K53 4/62
K53 4/62

В. С. АРСЕНЬЕВЪ.

ПИСЬМА

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ Е. М. РАСЛОВЛЕВОЙ

(1799—1825).

МОСКВА.
1915.

К53 4/62

В. С. АРСЕНЬЕВЪ.

ПИСЬМА

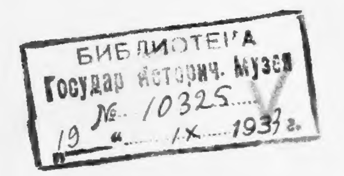
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ Е. М. РАСЛОВЛЕВОЙ

(1799—1825).

МОСКВА.
1915.

Изъ Сборника въ честь Л. М. САВЕЛОВА.

Поставщикъ двора Его Величества
Тип. Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ Е. М. РАСЛОВЛЕВОЙ (1799—1825).

Печатаемыя нынѣ письма Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Е. М. Расловлевой, рожд. фонъ-Клугенъ, бережно хранятся въ с. Кольцовѣ, Ефремовскомъ имѣніи Ал-д. Ал-др. Арсеньева [внука сестры Расловлевой—Юліи Максимовны Арсеньевой, умершей въ 1820 г. (?)]. Письма писаны по-французски, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, писанныхъ по-русски, каковыя въ печатаемомъ текстѣ проставлены въ кавычкахъ

Отецъ Елисаветы Максимовны Расловлевой былъ генералъ-маіоромъ въ гатчинскихъ полкахъ; женитьба на его дочери—Юліи Максимовнѣ—генералъ-маіора Николая Мих. Арсеньева (рож. 1765, ум. до 1824) навлекла на послѣдняго гнѣвъ его матери—Александры Конон. Арсеньевой («Записки о родѣ Арсеньевыхъ», «Русск. Арх.» 1914. I, 274—75). Въ усадьбѣ Арсеньевыхъ при с. Кольцовѣ находится икона Трехъ Радостей, вывезенная Императрицей изъ Германіи, а послѣ ея смерти, переданная Императоромъ Николаемъ семьѣ Арсеньевыхъ; у дочери А. А. Арсеньева—Е. А. Херодиновой, живущей въ Тулѣ, находятся портретъ ея прабабки и табакерки, ей принадлежавшія. Мужъ Е. М. Расловлевой служилъ, какъ видно изъ послужного его списка, въ л.-гв. Измайловскомъ и Конномъ полкахъ и былъ адъютантомъ Цесаревича Константина Павловича; затѣмъ, онъ участвовалъ въ составѣ Московской военной силы въ кампанію 1812 г., состоя капитаномъ въ 7 пѣхотномъ полку, командиромъ коего былъ его зять Н. М. Арсеньевъ; за сраженія 26 августа, 17 сентября, 6, 12 и 22 октября и 5 и 6 ноября, въ коихъ онъ «подавалъ примѣръ храбрости», былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. («Московское Дворянство въ 1812 году», стр. 136, 158); за нимъ были имѣнія въ Бронницкомъ уѣздѣ: сельцо Бубново, Булгаково, Субботино, дер. Абашкино, Елименское, Никитское, Майково и Якшино (ibidem, 206) и домъ въ Москвѣ на Прѣсненскихъ Прудахъ.—Родъ Расловлевыхъ внесенъ въ VI ч. родословной книги Московской губ., и многіе представители сего рода служили по выборамъ въ началѣ XIX в. по Бронницкому и Коломенскому уѣздамъ.

Примѣчанія къ письмамъ.

Письмо III—Мужъ Е. М. Расловлевой былъ отставленъ отъ службы 24 сентября 1800 въ чинѣ подпоручика.

Письмо IV—В. Кн. Анна—Вел. Княгиня Анна Θеодоровна, супруга Цесаревича Константина Павловича.

Гурьева—вѣроятно, Прасковія Николаевна, рожд. граф. Салтыкова.

Круглый кабинетъ и башня арміи въ Гатчинѣ.—Постройка Гатчинскаго Двора была поручена въ 1766 г. кн. Г. Г. Орловымъ—Ринальди, а въ 1793—6 Павелъ Петровичъ поручилъ перестройку и расширеніе его Бренну, который также строилъ Павловскій Дворецъ, гдѣ устроилъ Круглый Залъ и залы войны и мира (И. Грабарь, Исторія Русскаго Искусства, вып. 16, стр. 437—8, 442—3, вып. 15, стр. 302—304).

Письмо VII—община—Смольный Институтъ.

Письмо VIII—Анна Степ.—Протасова, камеръ-фрейлина.

Полковница Бухгольцъ—не ей-ли въ 1809 г. отказано въ арендѣ? (журн. Ком. Мин. Царствов. Импер. Ал. I. I, 426).

Военныя сиротки.—Имп. Елисавета принимала дѣятельное участіе въ дѣятельности находившагося подъ Ея покровительствомъ женскаго Патріотическаго Общества. (Нов. Энцик. Слов. Брокгауза и Ефрона, XVII, 446).

Письмо IX—Императоръ Александръ I въ августѣ выѣхалъ изъ Москвы по Россіи и въ Варшаву для посѣщенія губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны (В. Кн. Николай Михайловичъ, Имп. Александръ I, I, 212).

Плюскова—Наталія Яковлевна, фрейлина Императрицы Елисаветы Алексѣевны, умерла 23 января 1845, погребена въ Петроградѣ на Смоленскомъ прав. кладб. (С.-П. Б. некрополь, III, 432).

Письмо XI. Имп. Александръ въ августѣ 1817 г. былъ въ Москвѣ и въ мартѣ 1818 г. отбылъ въ Варшаву на сеймъ. (Имп. Александръ I. I, 212, 214). **Сокровищница**—Оружейная Палата въ Москвѣ.

Письмо XII—Императоръ Александръ, послѣ встрѣчи съ прусскимъ Королемъ въ Москвѣ 3 іюня, съ гостями и со всѣмъ Дворомъ переѣхалъ въ Царское Село и Петергофъ, гдѣ были устроены всякія увеселенія до отъѣзда Короля 5 іюля, послѣ чего Государь выѣхалъ за границу (Императоръ Александръ I. I, 218).

Письмо XIII—Великій Герцогъ Баденскій Карлъ Людвигъ Фридрихъ—умеръ 8 декабря 1818 (Meyer's Neues Conversation Lexicon, Hildburghausen 1871, II, 633).

Письмо XIV—Имп. Александръ I 27 августа выѣхалъ въ

Аахенъ на конгрессъ и 22 декабря вернулся въ Царское Село (Импер. Александръ I. I, 218 и 223).

Письмо XVI—Герцогиня Тарентская—французская эмигрантка, состояла при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ (о ней см. у E. Haumant, La culture française en Russie).

В. Кн. Анна Өеодоровна—согласно манифеста 20 марта 1820, была разведена съ мужемъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Письмо XVII—Екатерининскій Институтъ въ Москвѣ—открытъ 30 января 1803 (В. А. Вагнеръ. Московское училище орд. Св. Екатерины, 21).

Племянница—Е. М. Расловлевой—Елисавета Николаевна Арсеньева, р. 1815, въ замужествѣ Родіонова, окончила Екатерининскій Институтъ въ 1831 г. (ibidem, 485).

Малиновскій—Алексѣй Өеодоровичъ, извѣстный историкъ, директоръ Московскаго Архива Мин. Иностран. Дѣлъ.

Съ 1812 г. Имп. Елисавета, вмѣсто слѣдовавшей ей ежегодно суммы въ милліонъ рублей, брала лишь 200.000 р., кои, за исключеніемъ 15.000 р. на себя лично, расходовала на дѣла благотворенія. (Новый Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона, XVII, 446.)

Письмо XVIII—Гермесъ—сенаторъ Богданъ Андреевичъ, бывшій Тобольскій Губернаторъ (Сб. Русск. Истор. Общ., т. 60).

Зять Елисаветы Максимовны Расловлевой—генералъ-маіоръ Н. М. Арсеньевъ.

Письмо XIX.—Императоръ Александръ вернулся 27 мая 1821 изъ Лайбаха въ Царское Село (Импер. Александръ I. I, 260).

Письмо XX.—Герцогиня Вюртембергская—вѣроятно, Антуанетта, супруга Принца Александра, род. 1779. † 3. III. 1824 (Имп. Александръ I. II, 645).

В. Кн. Марія—В. Кн. Марія Павловна, великая герцогиня Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахская.

15 мая Государь выѣхалъ въ Вильну для смотра гвардейскаго корпуса (ibidem, I, 270).

Письмо XXI.—Имп. Александръ былъ въ Москвѣ по пути въ Ростовъ Великій въ августѣ 1823 г. (Ibidem, 307, 311.)

Письмо XXII—въ 1823 умерла принцесса Амалія Баденская, любимая сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны, долго проживавшая при Русскомъ Дворѣ (Имп. Александръ I. I, 311).

Императоръ, послѣ Крещенскаго парада, простудившись, прохворалъ цѣлый мѣсяцъ; къ сильной лихорадкѣ присоединилось рожистое воспаленіе ноги и были дни, когда состояніе больного вызывало сильныя опасенія, такъ что былъ вызванъ изъ Варшавы Цесаревичъ Константинъ Павловичъ (ibid. I, 315). В. С. Арсеньевъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПИСЕМЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ Е. М. РАСЛОВЛЕВОЙ, РОЖД. ФОНЪ-КЛУГЕНЪ 1799—1825 ГГ.

I.

Сдѣлайте мнѣ удовольствіе вернуть романсъ, который я Вамъ вчера списала; съ подлинникомъ произошелъ несчастный случай: огонь, упавшій на него, наполовину его сжегъ, а это единственный экземпляръ, который я имѣла.

(писано на четвертушкѣ; отмѣтки карандашомъ: 1799, чернилами: 7).

II.

Сію минуту Им. поручила мнѣ передать, что позволеніе испрошено и получено и что Ваша свадьба состоится завтра; примите всѣ пожеланія, моя дорогая, которыя я дѣлаю для Вашего счастья, они несомнѣнно, не менѣе искренни, чѣмъ, если бы я ихъ сдѣлала устно.—Я очень огорчена, что не могу имѣть чести Васъ причесать, хотя отъ этого Вы только будете лучше и легче причесаны; что пикантно, это то, что Небо не хочетъ, чтобы я познакомилась съ г. Расловлевымъ; я покоряюсь сему, прося Васъ, Милостивая Государыня, также почтить меня его посѣщеніемъ, какъ только сіе будетъ возможно, предполагаю, что это будетъ лишь въ Петергофѣ.

(писано на четвертушкѣ, адресъ: à mademoiselle mademoiselle de Klougen). (помѣты карандашомъ: 1801, чернилами: 2).

III.

Когда я узнала о новомъ распоряженіи касательно лицъ, уволенныхъ въ отставку, то первою моею мыслію были Вы, я думала, что это сократитъ Ваше пребываніе въ Петербургѣ и, слѣдовательно, и истин-

ное удовольствіе, которое я испытываю отъ пребыванія съ Вами, моя дорогая, но я была далека отъ мысли, что Вашъ отъѣздъ будетъ такъ близокъ, какъ—онъ, повидимому, будетъ, согласно того, что Вы говорите въ Вашемъ письмѣ. Я не знаю, запрещено ли, окончательно, пріѣзжать сюда, но я все же думаю что болѣе осторожно этимъ не рисковать, это могло бы на Васъ навлечь непріятности, которыя нельзя предвидѣть. Мнѣ не надобно Вамъ говорить, что это я, кто болѣе всего отъ этого теряетъ и, если я Васъ увѣряю, что мнѣ доставляетъ весьма, весьма искреннее огорченіе Васъ болѣе не увидать, можетъ быть, никогда, или, Богъ знаетъ когда,—я надѣюсь, что Вы повѣрите, что чувство это идетъ изъ глубины моего сердца и что это не одна изъ учтивостей, которыя принято соблюдать въ подобныхъ случаяхъ.

Приходится, значитъ, съ Вами проститься здѣсь, письменно,—не такъ я надѣялась сіе сдѣлать, мнѣ не приходится дѣлать пожеланья для Вашего счастья,—Вы наслаждаетесь большимъ благомъ, но я выражаю очень искренно пожеланіе имѣть всю полноту его, которой не достаетъ еще въ немъ, и единственное пожеланіе, которое остается Вамъ выразить, это, чтобы Вы имѣли множество дѣтей: Вы знаете, что я ихъ желаю тѣмъ, которыя имѣютъ наклонность стать добрыми матерями.

Это мнѣ надо просить Васъ меня не забывать. Вы будете наслаждаться пріятною, хорошею, счастливою жизнью,—чего не забудешь въ такомъ положеніи! Но я надѣюсь, что отъ дружбы, которую Вы мнѣ выражали, у Васъ останется воспоминаніе о человѣкѣ, который Васъ весьма искренно любитъ.

Елисавета.

Гатчина 29 сентября 1800.

Я Васъ тысячу разъ благодарю за участіе, которое Вы выражаете моему здоровью; я не была больна, у меня только продолжается простуда, которая была у меня, когда Вы уѣхали изъ Гатчины; она меня нѣсколько безпокоитъ.

(Писано на 3 стран. почтовой бумаги; водяной знакъ: 1797).

IV.

Петербургъ. 1 февраля 1801 г.

Вы еще думаете обо мнѣ.—Я Васъ увѣряю, что Ваше письмо мнѣ сдѣлало самое большое удовольствіе, доказавъ мнѣ это, и Вы правы, предполагая, что у меня не было случая Вамъ написать, иначе бы, я не преминула себѣ доставить это удовольствіе, сверхъ того, я навѣрное не знала, гдѣ Вы, въ Москвѣ или въ деревнѣ.—Я надѣюсь, что госпожа Гурьева, уѣзжающая на будущей недѣлѣ, возьмется доставить мое письмо, безъ этого я была бы въ большемъ затрудне-

нiи его Вамъ переслать, ибо я не люблю посылать по почтѣ, когда нужно взвѣсить каждое выраженiе раньше, чѣмъ его начертишь. Надо думать, что полнаго счастья въ этомъ мiрѣ не можетъ существовать, такъ какъ полноты его у Васъ все нѣтъ, но не надо также отчаиваться, и я Васъ прошу, если оно наступило, какъ только возможно будетъ, со мной подѣлиться этимъ, дабы я могла раздѣлить Ваше счастье.

Что касается меня, то мнѣ нечего сообщать Вамъ новаго, я совершенно въ томъ-же положенiи, въ которомъ Вы меня оставили, исключая того, что я вылѣчилась отъ кашля, который меня мучилъ 2 мѣсяца, но у меня осталось нѣкоторое раздраженiе въ груди, которое, я надѣюсь, однако, пройдетъ весной.—Вы очень добры, что сожалѣете о кругломъ Гатчинскомъ кабинетѣ, я же, со своей стороны, Васъ увѣряю, что весьма искренно, съ сожалѣнiемъ, вспоминаю о Вашемъ обществѣ, которое мнѣ дало возможность провести дѣйствительно прiятныя минуты.— Башня армiи мнѣ дорога, потому что тамъ я дѣйствительно Васъ узнала и тамъ, слѣдовательно, я къ Вамъ привязалась въ той степени, какъ теперь привязана.

Вы мнѣ подаете надежду, что я Васъ вновь увижу будущей зимой,— это очень долго; смѣю Васъ просить, въ ожиданiи этого, мнѣ писать, когда Вы найдете вѣрныя оказiи, мнѣ говорить о Вашихъ занятiяхъ, Вашихъ удовольствiяхъ.—Кстати, въ какомъ положенiи мѣшечекъ для табака, оконченъ-ли онъ? моя шаль, наконецъ, окончена. Если мои письма могли бы Васъ интересовать, я охотно Васъ ими завалю.—Но Вы, приблизительно, знаете все, что у насъ происходитъ.— Эта масляница была наполнена маскарадами—и при Дворѣ и у насъ, послѣднiе были довольно оживленны, завтра будетъ маскарадъ въ Михайловскомъ дворцѣ, куда Императоръ сегодня переѣхалъ, какъ и Великiе Князья.—Но мы еще не переѣхали изъ-за сырости и холода.— Великая Княгиня Анна очень тронута Вашей памятью и поручаетъ Вамъ передать тысячу весьма дружескихъ вещей.—Прощайте, сохраните мнѣ Вашу дружбу, которая для меня весьма драгоцѣнна.

Елисавета.

(писано на желтоватой бумагѣ, окруженной тисненымъ бордюромъ и красной каемкой).

V.

Вы очень добры, Милостивая Государыня, что помните обо мнѣ и маленькой; мы обѣ Васъ отъ всего сердца нашего за это благодаримъ,

конечно, если только ея сердце уже можетъ что-либо чувствовать.— Увѣряю Васъ, что это не только фраза, когда я Вамъ говорю, что была очень огорчена Васъ болѣе не видѣть, мнѣ бы такъ хотѣлось поздравить Васъ по поводу Вашей свадьбы и Вамъ сказать, насколько я принимаю участія въ счастіи, коимъ Вы, несомнѣнно, пользуетесь; если Вы пріѣдете сюда, Вы будете очень любезны, если пріѣдете на минуту меня повидать.—Титулъ Милостивой Государыни (Madame), который Вамъ надо теперь давать, мнѣ почти трудно писать, онъ мнѣ кажется такимъ церемоннымъ; къ счастію, хотя имъ пользуются, это, однако, не препятствуетъ весьма искренно любить,—иначе бы, конечно, я его бы не употребляла; хотя Вы, злая женщина, не можете потерять привычки къ церемоннымъ письмамъ.—Я сильно опасаюсь, что, такъ какъ никто не пріѣзжаетъ на сегодняшній праздникъ, Вы совсѣмъ сюда не пріѣдете,—а, разъ пребываніе въ Петергофѣ окончится, у меня болѣе не будетъ надежды Васъ увидѣть до возвращенія въ городъ; эта отсрочка очень долга.—Но, какъ бы то ни было, сохраните мнѣ всегда Вашу дружбу и будьте вполнѣ увѣрены въ моей.

Елисавета.

1801 года 4 іюля.

(Писано на бумагѣ съ водяными знаками J. Honig & Zoonen и рисунокъ улья.) (На конвертѣ: à madame madame de Raslovlew à Pétersbourg, печать съ вензелемъ «Е. А.»; помѣтка чернилами: «3», карандашомъ: «1801»).

VI.

Я съ большимъ удовольствіемъ получила письмо, посланное Вами черезъ княгиню Голицыну и, если я Васъ досслѣ за него не благодарила, то это потому, что для этого мнѣ надо было ждать ея возвращенія, такъ какъ не знала Вашего адреса и даже того, въ Москвѣ ли Вы въ настоящую минуту или въ деревнѣ.—Вы, конечно, увѣрены, что я подробно распросила кн. Г. о новостяхъ о Васъ: Я, съ удовольствіемъ, узнала, что Вы теперь хорошо себя чувствуете, но я также съ весьма искреннимъ огорченіемъ—очевидно, потому, что я знаю это по опыту, раздѣляла Ваше горе, что не сбываются Ваши самыя дорогія пожеланія, надо намъ обѣимъ терпѣнія; было бы слишкомъ жестоко быть въ необходимости отчаиваться, въ томъ чего болѣе всего на свѣтѣ желаешь.—Слѣдовало бы Васъ побранить за то, что Вы, повидимому, предполагаете, что можете стать для меня безразличной; Я до глубины сердца чувствую Вашу привязанность, которую Вы показываете; увѣряю Васъ, что я плачу Вамъ тѣмъ-же и что мнѣ всегда пріятно сіе Вамъ

сказать,—мнѣ бы хотѣлось это скоро быть въ состояніи сдѣлать устно.

Елисавета.

(Писано на желтоватой бумагѣ съ розовой каемкой; на конвертѣ: à madame madame Raslovleff; конвертъ съ розовой каемкой; на облаткѣ бѣлая буква Е. въ зеленомъ кружкѣ; карандашомъ помѣта: l'anée 1802).

VII.

Кам. Островъ. 23 сентября 1809 г.

Я была очень тронута, мое дорогое дитя, чувствомъ, съ которымъ Вы получили мое письмо.—Дружба, которую Вы мнѣ оказываете, для меня, по истинѣ, цѣнна; она можетъ быть лишь въ подобномъ Вашему сердцѣ, въ коемъ—не надобно всю жизнь разбирать,—искреннее отъ того, что только присвоено величіямъ,—и Вы согласитесь, «матушка», что подобное занятіе печально, а, между тѣмъ, это наиболѣе частое въ семъ свѣтѣ. Вы мнѣ доставили высшее удовольствіе, разсказавъ о добромъ дѣлѣ Вашего мужа; если я ему дала возможность его сдѣлать, то на мою часть приходится наименьшая часть заслуги, вся заслуга его одного.—Дѣло въ томъ, что не надо упускать случаевъ дѣлать добро и именно въ этомъ, я думаю, ни одинъ изъ Васъ никогда не будетъ виновенъ. Я думаю, что Вы еще въ деревнѣ, такъ какъ осень, обыкновенно, болѣе хороша въ окрестностяхъ Москвы, чѣмъ здѣсь: желаю Вамъ тамъ хорошо себя чувствовать и чтобы Ваши дѣла тамъ такъ устроились, чтобы я могла Васъ видѣть будущей зимой въ Петербургѣ. Я увѣрена, что Вашъ мужъ въ это время года охотится и что Вы, слѣдовательно, также ѣздите по полямъ.

Наше пребываніе на Каменномъ Островѣ очень долго продолжится въ этомъ году; мы на немъ, какъ на пустынномъ островѣ: почти всѣ, кромѣ насъ, оставили деревню; когда солнце свѣтитъ, есть удовольствіе видѣть еще деревья, хотя и покрытыя желтымъ листомъ, но когда погода дурная, то пребываніе немного печально изъ-за вѣтра, котораго слышно болѣе, чѣмъ въ какомъ либо иномъ мѣстѣ. Вы не можете серьезно предполагать, чтобы сестра моя Васъ позабыла, она мнѣ поручаетъ Вамъ передать отъ нея тысячу вещей.—Полковница Бухгольцъ сказала, что она сама отправилась къ начальницѣ Общины просить о помѣщеніи ея сестры.—Вслѣдствіе чего, она тотчасъ и была принята, и я надѣюсь, что она въ этомъ не раскается.—Прощайте, мое дитя.—Я навела справки о судьбѣ Вашего перваго письма; мнѣ не захотѣли признаться, что оно было отослано, и сказали, что нѣтъ никакой особой формы для адресо-

ванія.—Посылайте же мнѣ впредь прямо письма, отмѣтивъ однако старательно на адресѣ: «въ собственныя руки» и отъ кого письмо. Не могу себѣ представить, чтобы со всѣми этими предосторожностями, его бы постигла участь самаго перваго.—Еще разъ прощайте, будьте увѣрены въ моей весьма искренней дружбѣ къ Вамъ.

Елисавета.

VIII.

Мнѣ сказали, что Вы больны, дайте мнѣ о себѣ вѣсть и, если Ваше здоровье Вамъ позволитъ, будьте любезны взять на себя порученіе къ этой г-жѣ Бухгольцъ, о которой мы говорили на-дняхъ, потому что Анна Степ. уѣхала въ деревню. Прежде всего, доставьте ей прилагаемыя бумаги, которыя мнѣ больше не нужны, и извѣстите ее, что, къ моему большому сожалѣнію, ея дочь не можетъ быть принята въ число военныхъ сиротокъ, потому что у отца былъ слишкомъ крупный чинъ, и что въ этотъ институтъ принимаютъ офицерскихъ дѣтей лишь до чина подполковника, но, если она на то согласна, я помѣщу ея дочь моей пансіонеркой—въ общину, гдѣ она точно также, конечно, будетъ хорошо воспитана.—Исполните это мое порученіе къ ней, когда Вамъ будетъ удобно и сообщите мнѣ отвѣтъ, когда Вы его получите, но дайте мнѣ на словахъ знать, какъ Вы себя чувствуете.

(Писано на четвертушкѣ бумаги, помѣты: чернилами: «15», карандашомъ: «1809»).

IX.

Царское Село. 29 іюля 1816.

Если я Вамъ раньше не отвѣтила на Ваше доброе и любезное письмо, дорогая Госпожа Рославлева, то это потому, что я лѣнтяйка.—У Васъ имѣются старинныя доказательства тому, насколько я плохая корреспондентка, но Вы также прекрасно знаете, что изъ этого не слѣдуетъ дѣлать никакихъ выводовъ касательно моихъ чувствъ. Я совершенно не мѣняюсь для моихъ друзей, хотя бы я цѣлые года имъ не писала, и это какъ разъ то, что у меня случается съ Вами, моя дорогая «Елисавета Максимовна».—Сколько событій, сколько безпокойствъ и сколько счастья съ тѣхъ поръ, какъ мы другъ съ другомъ не переписывались. Я, однако, была всегда увѣдомлена обо всемъ, что Васъ ближе всего касалось. Я знала, что Вашъ мужъ продѣлалъ кампанію 1812 г., и не была этимъ удивлена. Я, наоборотъ, была увѣрена, что въ такое время онъ вновь станетъ военнымъ, но я сильно за Васъ страдала.—Теперь я съ большимъ прискорбіемъ узнаю, что Ваше здоровье нехорошо,

что Вы даже болѣе нездоровы, чѣмъ были тому нѣсколько лѣтъ; зачѣмъ Вы мнѣ не говорите въ Вашемъ письмѣ о Вашемъ здоровьѣ? мнѣ бы весьма хотѣлось имѣть о немъ подробности.—Въ непродолжительномъ времени Вы увидѣте Императора, если будете въ то время въ Москвѣ, что касается меня, то, несмотря на все желаніе когда либо вновь увидѣть этотъ городъ, очевидно, мнѣ не судьба туда вернуться, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, и Васъ вновь видѣть, ибо не предвидится, чтобы Вы пріѣхали въ Петербургъ. Будьте, по крайней мѣрѣ, увѣрены, что мои чувства къ Вамъ никогда не измѣнятся, и не судите ихъ по моей большей или меньшей аккуратности въ отвѣтахъ; двадцатилѣтнее знакомство не должно быть такъ легко подвергнуто осужденію. Я разсчитываю на Вашу дружбу, и что я могла сказать госпожѣ Плюсковой, была только шутка, мнѣ доставляетъ удовольствіе съ нею говорить о Васъ и имѣть источникъ, откуда почерпать извѣстія о Васъ.

«Прощайте любезная моя».

(конецъ оторванъ).

(на оборотѣ помѣта карандашомъ 1816).

X.

Прежде всего, какъ Ваше здоровье, моя дорогая «Елисавета Максимовна»? Я Васъ прошу, однако, мнѣ отвѣтить искренно, а не такъ, какъ Вы хвалились, что дѣлали всю эту зиму. Если Вы здоровы, то скажите мнѣ, не слишкомъ ли много я беру на себя, прося Васъ привести мнѣ сегодня вечеромъ, между 7 и 8 часами, «Пудикова». Если это возможно, то я съ удовольствіемъ его послушаю сегодня. «Надѣюсь что Вы мнѣ правду скажите во все, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».
(на оборотѣ: Елисаветѣ Максимовнѣ Раславлевой.
На печати: амуръ съ лукомъ; помѣтка: чернилами: 36, карандашомъ: 1818).

XI.

Вы сдѣлались подозрительны, милостивая государыня (Madame); это не красиво, и какъ это можетъ быть, когда, какъ Вы, окружены только добрыми и любящими существами: я не думала о Вашей смерти, я не думала о судьбѣ моихъ писемъ и то, что я сказала, было только необдуманное предположеніе, каковому я не придавала никакого серьезнаго значенія, я такъ мало обо всемъ этомъ думала, что я право полагаю, что раньше Васъ уйду изъ этого міра, съ моими письмами, когда Вы

мнѣ послѣдуете въ тотъ міръ, будь что будетъ.—Мнѣ безразлично, ихъ можно напечатать, въ нихъ ничего другого не увидятъ, кромѣ того, что моя дружба къ Вамъ существовала много лѣтъ.—Пока, я испытала удовольствіе и была тронута, перечитывая эти старыя письма, большую часть коихъ я позабыла и которыя меня перенесли къ счастливому времени, ибо я еще не имѣла опыта въ томъ, что есть жизнь, и Васъ благодарю за хорошее мгновеніе, которое Вы мнѣ доставили, давъ ихъ мнѣ перечитать, хотя причина была в е с ь м а, в е с ь м а плохая.—Я Вамъ ихъ всѣ возвращаю, обѣщайте мнѣ, что Вы возьмете обратно обѣщаніе, которое Вы заставили Вашего мужа Вамъ дать. Если я Васъ переживу, я не хочу получить эти письма, они мнѣ сдѣлаютъ слишкомъ больно. Если же Вы меня переживете, то обѣщаніе дѣлается ненужнымъ.—Пусть объ этомъ болѣе не будетъ между нами разговора.—Вы меня хорошо поняли. Сдѣлайте себѣ изъ этого маленькій покаянный актъ за Ваши гадкія подозрѣнія.—Такъ какъ Вы мнѣ говорите, что хотите завтра ко мнѣ придти, то я надѣюсь, что Вы хорошо себя чувствуете.—Приходите послѣ обѣда, ибо завтра утромъ я должна поѣхать посмотрѣть сокровищницу.

Что касается меня, то я хорошо себя чувствую, гораздо лучше, чѣмъ Вы,—и могла бы Вамъ дать здоровья.—Если, случайно, Вы не могли бы придти завтра послѣ обѣда, у меня въ моемъ распоряженіи, кажется, все время послѣ обѣда въ воскресенье.

Е.

Пятница, 19 Октября 1817.

(помѣта: 42)

XII.

Петербургъ. 26 Августа 1818.

Я не понимаю, почему я получила одновременно два Вашихъ письма, дорогая «Елисавета Максимовна», отъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга чиселъ, какъ 18 Іюня и Іюль мѣсяцъ; я ихъ оба получила только на дняхъ вмѣстѣ съ ящикомъ, въ коемъ были башмаки. Тысяча благодарностей за точность и за заботы, которыя Вы приложили къ этому порученію.—Башмаки всѣ болѣе или менѣе подходятъ, но мнѣ кажется, что пока наилучше сдѣланные башмаки сапожника «Юдина», и впредь я буду къ нему обращаться. Если я закажу еще башмаки, то Вы получите уплату за башмаки и третную сентябрьскую часть пенсіи бѣднаго слѣпого «Абрамова» черезъ посредство «Крылова».—Я почти довольна, что изъ за опозданія Вашего перваго письма я одновременно узнала о Вашемъ нездоровьѣ и Вашемъ выздоровленіи.—Я думаю, что Вы теперь въ деревнѣ, и я радуюсь за Васъ и съ Вами по поводу спокойствія, кото-

рое Вы тамъ должны испытывать.—Вы, можетъ быть, вспомните, какъ я вздыхала о сладкомъ спокойствіи среди треволненій и туалетовъ подъ конецъ моего пребыванія въ Москвѣ.—По возвращеніи сюда, та же жизнь продолжалась еще приблизительно около мѣсяца, затѣмъ туалеты закончились, но поѣздки еще увеличились къ худшему, я не провела 8 дней на мѣстѣ, то были мы въ Царскомъ Селѣ, то на Каменномъ Островѣ, то въ городѣ, и очень ловокъ былъ бы тотъ, который насъ бы захватилъ.—Теперь я готовлюсь къ большому путешествію въ Германію, о коемъ мы часто говорили прошлою зимою, я уѣзжаю 29 и надѣюсь вернуться въ Январѣ. Вы раздѣлите со мною счастье, которое я испытаю при свиданіи съ моею семьею, я его испытываю во всей его полнотѣ, но я никогда не могу оставить Россію безъ сожалѣнія, потому я предпочитаю болѣе не распространяться по поводу этого... Передайте мои поклоны Вашему мужу и Вашей сестрѣ. Память ихъ обоихъ меня обрадовала. «Богъ съ Вами любезная моя «Елисавета Максимовна» я знаю, что Вы меня не забудите мысленно часто буду съ Вами и часто, часто въ Россіи».

(водяной знакъ: Ruse & Turners 1815»).

XIII.

Петербургъ. 27 Февраля 1819.

Пріѣхавъ сюда, моя дорогая «Елисавета Максимовна», я нашла Ваше письмо, которое меня весьма долго ждало. Мой отъѣздъ изъ Германіи былъ замедленъ на цѣлый мѣсяцъ, печальными обстоятельствами, о коихъ Вы, когда писали мнѣ, были освѣдомлены.—Я могу признать только естественнымъ тотъ способъ, коимъ Вы мнѣ о семъ говорите, привязанность, которую Вы во всѣхъ случаяхъ благоволите мнѣ доказывать, являлась мнѣ въ этомъ гарантіей. Я Васъ слишкомъ хорошо знаю, чтобы не знать, что Вы не мѣняетесь, и я хотѣла бы, чтобы Вы имѣли туже увѣренность и во мнѣ.—Я, какъ видите, мстительна и не могу забыть нѣкотораго чувства неувѣренности во мнѣ, которое у Васъ было прошлою зимою въ Москвѣ.—Теперь еще, хотя причина совершенно другая и что я ее отгадываю, потому, что Васъ знаю, я буду Вамъ жаловаться на Ваше молчаніе относительно одной вещи, которая меня интересуетъ лишь потому, что она вліяетъ на Ваше благосостояніе. Говорятъ, у Васъ огорченія.—Скажите мнѣ только, достаточно ли Вы о семъ поставлены въ извѣстность или нѣтъ, если Вы не хотите мнѣ давать болѣе подробностей. Эти испытанія тяжелы, но, зная Васъ такъ же хорошо, какъ я,—я благодарю Бога за Васъ, что они этого свой-

ства, а не состоятъ въ невозвратимой потерѣ тѣхъ, существованіе коихъ необходимо для Вашего существованія. Простите, дорогая «Елисавета Максимовна», если я дѣлаю неделикатность, говоря съ Вами о подобномъ предметѣ, но дружба и интересъ, которыя я къ Вамъ питаю, пусть будутъ моимъ извиненіемъ.—Передайте тысячу поклоновъ отъ меня Вашему мужу, а также и Вашей сестрѣ, будьте увѣрены, что я объ ней думаю, потому что я сильно желаю Вамъ сдѣлать пріятное, особенно, когда я думаю, что Вамъ необходима утѣшительница.—Почему я не могу предложить Вамъ столько, сколько бы хотѣла. Отъ всего сердца, прощайте.

Е.

(водяной знакъ J. Whatman 1818).

XIV.

Я Вамъ такъ часто повторяла, моя дорогая «Елисавета Максимовна», что не слѣдуетъ судить о моихъ чувствахъ по количеству писемъ, которыя я пишу, что я надѣялась, что Вы не будете сердиться на меня, что я пропустила нѣсколько мѣсяцевъ, не давая Вамъ обо мнѣ извѣстій.— Я вижу, однако, по Вашему послѣднему письму, что Вы огорчены, Вы не можете сердиться, Вы слишкомъ добры и кротки, но, если бы Вы могли, то, я думаю, Вы были бы также на меня сердиты. Простите меня за причиненную скорбь, конечно, причиненную невольно. Я откровенно скажу Вамъ истинную причину, которая меня заставляла откладывать съ мѣсяца на мѣсяцъ писаніе Вамъ, ибо это не было вслѣдствіе того, что я позабыла, Вы въ этомъ, надѣюсь увѣрены.—Я была обезпокоена, что не могу Вамъ дать извѣстіе, которое бы Вамъ доставило минуту удовольствія, посреди Вашихъ непріятностей. Отсутствіе Имп., которое длилось около трехъ мѣсяцевъ, было также, отчасти, причиной сему; вотъ единственная причина молчанія, которое весьма напрасно Васъ огорчило.—У Васъ будетъ другая причина, болѣе серьезная, огорчаться, когда Вы узнаете о плохомъ состояніи здоровья Вашей кузины.— У меня много подробностей о состояніи ея здоровья отъ ея друзей и родныхъ и я отъ всего сердца сочувствовала ея тяжелымъ страданіямъ.— Почему Вы мнѣ не говорите о Вашемъ здоровьѣ и отдѣльно, вскользь только, о Вашихъ дѣлахъ.—Я, по крайней мѣрѣ, довольна узнать, что Вы у себя въ деревнѣ, и у меня все время тайная надежда, что она у Васъ останется, но, чтобы эта надежда оправдалась чѣмъ либо, надо бы знать Ваши дѣла лучше, чѣмъ я ихъ знаю; сообщите мнѣ о нихъ, когда Вы будете мнѣ писать, скажите мнѣ, нѣтъ ли какого измѣненія въ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ Вы мнѣ послѣдній разъ о нихъ говорили, и вѣрьте, моя дорогая и добрая «Елисавета Максимовна», что я Васъ люблю,

какъ Вы и не думаете, и что я искренно интересуюсь всѣмъ, что Васъ касается. «Кланяйтесь отъ меня мужу и сестрѣ. Будте увѣрены любезная Елисавета Максимовна въ вѣчной моей къ Вамъ дружбѣ».

Е.

Петербургъ. 19 Ноября 1819 г.

XV.

Петербургъ. 18 Февраля 1820 г.

Правда ли, моя дорогая «Елисавета Максимовна», что Вы были серьезно больны и, вслѣдствіе этого, не въ состояніи поѣхать въ Москву, какъ Вы собирались, согласно Вашему послѣднему письму?—Меня сегодня въ этомъ увѣряли и я была этимъ огорчена и испугана.—Вотъ случай, когда приходится стонать, вслѣдствіе разстояній, которыя насъ оставляютъ долгое время въ неизвѣстности относительно тѣхъ, къ кому питаешь истинное участіе.—Если Ваше здоровье позволяетъ Вамъ писать, Вы мнѣ дадите, я надѣюсь, извѣстіе о себѣ чрезъ Вашу сестру.—Мнѣ сказали, что у Васъ возвратная астма, осложнившаяся нервной горячкой; я надѣюсь, что въ этомъ извѣстіи есть преувеличеніе; если оно правдиво, то я бы мучилась при мысли о томъ, какъ Вы страдали, и о слабости, которая у Васъ отъ этого осталась.

Тѣлесныя страданія и печали, по меньшей мѣрѣ, отъ безпокойствъ имущественныхъ. Это слишкомъ много, моя бѣдная «Елисавета Максимовна», да поддержитъ Васъ Богъ; несомнѣнно, Онъ даетъ силы для всего того, что Онъ посылаетъ, но это кажется чрезмѣрнымъ для всѣхъ, кто любитъ Васъ и кто знаетъ, насколько Вы достойны знать одно лишь счастіе.—Да буду я въ силахъ уменьшить, по крайней мѣрѣ Ваши безпокойства.

Съ удовольствіемъ принимаю званіе крестной матери сына Вашей сестры. Я думала, что отвѣтила Вамъ по сему поводу въ прошломъ году, и очень огорчена, что мой крестникъ такъ долго ждалъ.—Не откажетесь ли Вы увѣдомить о семъ Вашу сестру или же я должна ей извѣстить объ этомъ отъ меня.

Я Вамъ не говорю о Вашей кузинѣ; навѣрное, у Васъ есть вѣсти о ней, она все сильно больна и я этимъ весьма огорчена.—Вообще, въ этомъ мірѣ есть только печаль и скорбь и, когда самъ не имѣешь прямо скорби, то скорбишь за другихъ.—Если я узнàю, что Ваше здоровье поправляется, я Вамъ буду обязана за большую радость, но, во всякомъ случаѣ, я прошу Васъ сообщить правду, моя дорогая «Елисавета Максимовна».—Мой привѣтъ Вашему мужу и Вашей сестрѣ и да дарують

мои пожеланія и мои молитвы Вамъ утѣшеніе, все хорошее, что я Вамъ желаю. Отъ всего сердца прощайте.

Елисавета.

Я получила квитанцію «Аврамова» и благодарю Васъ за сіе.

(Писано на бумагѣ съ водянымъ знакомъ: Magnay Pickering & C° 1818)

(на конвертѣ: «Елисаветѣ Максимовнѣ Рославлевой въ Москвѣ». На оборотѣ конверта: стертая сургучная печать, помѣтка чернилами: lettre 45, l'année 20).

XVI.

Я съ большою радостью получила, моя дорогая «Елисавета Максимовна», первое письмо, написанное Вами мнѣ послѣ Вашей болѣзни.—Я въ немъ увидала доказательство Вашего выздоровленія и благодарю за то Бога. Скажите Вашей сестрѣ, благодаря ее за ея письма, что она доставила большую отраду, успокоивъ меня относительно Васъ.—Смерть Вашей кузины также мнѣ доставила безпокойство о Васъ, я боялась, какъ бы эта грустная новость не застала Васъ еще настолько слабой, чтобы Вы ее узнали безъ вреда.—Этотъ моментъ благополучно прошелъ и, если оплакиваютъ тѣхъ, кого потеряли, то это болѣе для себя самого, чѣмъ для нихъ. Ваша кузина избавлена отъ ужасныхъ ея страданій, отъ всѣхъ скорбей и болѣзней этой жизни и эта мысль, навѣрное, облегчитъ сожалѣніе, которое Вы о ней имѣете.

Ваше пасхальное яйцо, дорогая «Елисавета Максимовна», было самымъ пріятнымъ изъ всѣхъ, мною полученныхъ; Вы за него когда-нибудь найдете плоды на томъ свѣтѣ, ибо это именно Ваше постоянное въ Вашемъ добромъ сердцѣ желаніе дѣлать добро и побудило Васъ придумать использовать на доброе дѣло этотъ фарфоръ, съ которымъ я не знала, что дѣлать.—Вы выдумали способы, Вашъ мужъ, несомнѣнно, выполнилъ это дѣло и Вы же меня благодарите,—это свѣтъ наизнанку.—Я хотѣла бы, чтобы Вы часто дѣлали подобныя предположенія, я была бы весьма счастлива имъ способствовать.

Мое здоровье хорошо, оно этою зимою и весною было лучше, чѣмъ два предшествовавшихъ года.—Однако, зима эта не была особенно весела для меня и я живо ощущала отсутствіе Герцогини, съ которою я провела три зимы сряду.—Вы, навѣрное, это время думали о В-й Кн. Аннѣ.—Вы были къ ней привязаны и Вамъ было, вѣроятно, тяжело, какъ и мнѣ, не слышать, больше поминать ее въ церкви. Прощайте, моя дорогая и хорошая «Елисавета Максимовна», тысячу привѣтовъ Вашему мужу

и Вашей сестрѣ. Вы знаете мою дружбу и не можете и не должны никогда въ ней сомнѣваться. «Богъ съ Вами любезная Елисавета Максимовна».

Е.

Петербургъ. 22 Апрѣля 1820.

(на конвертѣ: A Madame Raslovleff. На оборотѣ конверта: стертая сургучная печать, помѣта чернилами: «48»).

XVII.

Петербургъ. 4 Ноября 1820.

Моя дорогая «Елисавета Максимовна».

Я собиралась Вамъ писать и была только удержана неувѣренностью относительно понесенной Вами утраты, какъ письмо, полученное мною вчера отъ Васъ, не оставляетъ у меня больше сомнѣній относительно этой новости, которая, я все надѣялась, не вѣрна.—Мнѣ нѣтъ нужды Вамъ говорить о всемъ томъ участіи, которое я принимаю въ этомъ новомъ горѣ, посланномъ Вамъ Богомъ.—Вы знаете мою къ Вамъ дружбу, Вы сами себѣ скажете, какъ все то, что съ Вами происходитъ хорошаго или плохого, меня живо трогаетъ. Да будетъ это горе послѣднимъ испытаніемъ и да будутъ у Васъ впредь лишь утѣшенія въ жизни.—Благодарю Васъ отъ всего моего сердца, что Вы мнѣ даете возможность исполнить, по крайней мѣрѣ, одно изъ Вашихъ желаній; къ счастью, это зависитъ лишь отъ меня одной и я, съ удовольствіемъ, беру на себя содержаніе Вашихъ двухъ племянницъ въ Екатерининскомъ институтѣ въ Москвѣ.—Вы, во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлали хорошій выборъ, помѣщая ихъ туда.—Пришлите мнѣ, пожалуйста, поскорѣе справку объ ихъ фамиліяхъ и именахъ, возрастѣ и чинѣ ихъ отца, ибо Вы знаете, что надо представить всѣ эти подробности Императрицѣ Матери, когда хотятъ помѣстить пенсіонерокъ въ институты, находящіеся въ ея вѣдѣніи.—Я не смѣю Васъ просить мнѣ сообщить о болѣзни, унесшей Вашу сестру.—Ваша скорбь еще слишкомъ свѣжа,—но, когда-нибудь Вы мнѣ дадите о ней подробности,—какъ бы я предпочла ихъ просить отъ Васъ ихъ устно, слава Богу, что Ваше здоровье такъ хорошо вынесло этотъ чувствительный ударъ.—Благодарю Васъ за то, что Вы со мной объ этомъ говорили, благодарю Васъ, что Вы ни минуты не усомнились, что я нуждалась въ томъ, чтобы Вы со мною объ этомъ поговорили.

Скажите г-ну Малиновскому, что рукопись, сообщенная Вами мнѣ съ его согласія, мнѣ доставила удовольствіе читать по причинамъ, которыя побудили мнѣ ее прислать. Я вижу прекрасно, что Вы меня никогда

не можете забыть, ибо Вы прекрасно помните даже мои перчатки.—Въ концѣ концовъ, вкусъ ко всему что относится къ исторіи нашей дорогой Россіи, происходитъ отъ чувствъ къ ней, которое я назвала бы страстью, если бы оно не было прочнѣе и болѣе обосновано, чѣмъ бываетъ вообще страсть.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и Вашей сестрѣ, боюсь, какъ бы здоровье ея не пострадало отъ Вашей общей скорби. Мое здоровье хорошо, оно лучше, чѣмъ здоровье бѣдной Герцогини, которая надѣялась поправиться въ Германіи. Она не вернется сюда, я думаю, до будущаго лѣта и, несомнѣнно, я сильно ощущаю ея отсутствіе. Прощайте, любезная и премилая «Елисавета Максимовна. Люблю Васъ всѣмъ сердцемъ».

Е.

(На конвертѣ: A Madame de Raslowleff née Klougen à Moscou vis-à-vis les étangs de Presnia. На оборотѣ конверта: стертая сургучная печать, помѣтка чернилами: 1820. lettre 52).

XVIII.

Петербургъ. 6 Января 1821.

Спѣшу, моя дорогая «Елисавета Максимовна», Вамъ отослать бумаги Сенатора Гермеса; надобно, чтобы документы сего рода, по возможности, скорѣе возвращались въ руки тѣхъ, кому они принадлежатъ.—Я изъ нихъ извлекла то, что необходимо знать на случай, если бы я смогла помѣстить въ Екатерининскій Институтъ дочь г. Гермеса, какъ Вы меня о томъ просите. Надобно, чтобы я справилась о возможности сего, прежде чѣмъ на это мнѣ рѣшиться.—Здѣсь во всѣхъ казенныхъ институтахъ сдѣлали такія значительныя увеличенія содержаній пенсіонерокъ, что я буду вынуждена сократить число ихъ, и Вы на меня не разсердитесь, если я буду болѣе осмотрительна, когда дѣло идетъ о совершенно чужой для меня семьѣ, чѣмъ, когда я это дѣлаю для Вашихъ племянницъ.

Я радовалась, получивъ Вашъ пакетъ, что могу, наконецъ, формально просить Имп. Мать о принятіи ихъ въ институтъ, и представьте себѣ мое непріятное удивленіе, когда узнала объ совершенно противныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ, которыя совершенно уничтожаютъ всѣ наши предположенія. Бѣдная моя «Елисавета Максимовна», какъ я раздѣляю всѣ Ваши горести и какъ всѣ эти скорби, слѣдующія одна за другою, должны вліять на Ваше здоровье.—Да дастъ, по крайней мѣрѣ, этотъ новый Годъ Вамъ спокойствіе и отдыхъ, и, если бы это было возможно, всѣ наилучшія утѣшенія, о которыхъ мы, бѣдные смертные,

можемъ мечтать въ семъ мірѣ.—Вашъ зять весьма достоенъ сожалѣнія и понятно, что онъ хочетъ оставить еще у себя свою младшую дочь. Я буду ждать Вашего извѣщенія о времени, когда онъ согласится помѣстить ее въ институтъ. Прощайте, моя дорогая «Елисавета Максимовна», чувствительно благодарю Васъ за всю любовь и за привязанность, которыя Вы мнѣ всегда оказываете. Я знаю, что могу Вамъ во всемъ вѣрить, и такъ изъявленіе Вашихъ чувствованій ко мнѣ мнѣ драгоцѣннѣе, нежели отъ многихъ другихъ. Прощайте, предобрая и премилая. Кланяйтесь отъ меня мужу и сестрѣ.

Елисавета.

(Писано на бумагѣ съ водянымъ знакомъ: J. Whatman. 1819; на конвертѣ: Елисаветѣ Максимовнѣ Рославлевой; на оборотѣ конверта: стертая сургучная печать (буква Е подъ короною), помѣты чернилами: 1821—«47»).

XIX.

Каменный Островъ. 31 Іюля 1821.

Спѣшу Васъ увѣдомить, моя дорогая, «Елисавета Максимовна», что лишь только я получила Ваше письмо, я передала Имп. Матери необходимую справку для полученія распоряженія о принятіи Вашей племянницы въ Московскій Екатерининскій Институтъ.—Имп. охотно согласилась дать мнѣ обѣщаніе о немедленномъ распоряженіи по сему предмету, и, быть можетъ, оно уже придетъ въ Москву, когда это письмо до Васъ дойдетъ.

Неужели дѣйствительно столько времени я Вамъ не писала. Простите меня, моя дорогая, «Елисавета Максимовна»; послѣ возвращенія Государя время такъ быстро промчалось, что я не могу совершенно повѣрить, что прошло два мѣсяца. Тысячу благодарностей за то, что Вы по этому поводу говорите.—То, что заставило чувствовать его долгое отсутствіе, вполнѣ естественно и было прочувствовано у насъ почти всѣми. Дай Богъ, чтобы эти долгія отсутствія болѣе не повторялись. Вы мнѣ не говорите о Вашемъ здоровьѣ, а я, между тѣмъ, нуждалась бы въ вѣстяхъ о немъ, оно такъ не прочно; Вы мнѣ пишете изъ Москвы,—значитъ, Вы болѣе не въ деревнѣ, но я надѣюсь, что она все еще Ваша. Мнѣ надобно было по этому предмету подробности, моя дорогая «Елисавета Максимовна».—Ваше здоровье и Ваши дѣла въ достаточно плачевномъ состояніи, для того, чтобы всѣ, любящія Васъ, постарались бы быть въ курсѣ всего, что этого касается. Дѣло не въ Вашихъ чувствахъ, въ коихъ мнѣ нѣтъ необходимости быть увѣряемой, я слишкомъ въ нихъ вѣрю, чтобы когда либо о нихъ безпокоиться.—Относитесь также

и ко мнѣ и я обѣщаю Вамъ говорить въ каждомъ письмѣ о здоровьѣ, о коемъ нечего говорить. Я себя хорошо чувствую и плохое лѣто, которое доселѣ у насъ, нисколько на него не повліяло. Прощайте, моя дорогая «Елисавета Максимовна», у меня только и есть времени, что Васъ отъ всего моего сердца поцѣловать и передать мои привѣты Вашему мужу и сестрѣ.

Елисавета.

Присоединяю бумагу, которую Вы мнѣ прислали и которая болѣе не нужна.

(писано на бумагѣ съ водянымъ знакомъ: J. Whatman 1819).

XX.

Дорогая моя «Елисавета Максимовна». Я чувствую себя передъ Вами очень виноватой, не поблагодаривъ Васъ за Ваше письмо и за Ваши Январскія поздравленія.—Однако, вслѣдствіе сего, я не менѣе была тронута Вашею памятью и ничего въ свѣтѣ не должно, никогда не должно тасъ побудить усомниться въ моей дружбѣ къ Вамъ и моей благодарности за постоянную привязанность, которую Вы мнѣ показываете. Сохраните мнѣ ее, несмотря на мои недостатки, и вѣрьте, что мои пожеланія Вамъ на всѣ случаи въ году и всѣ дни такъ же живы и такъ же искренни, какъ выраженныя Вами. Вы получите одновременно съ этимъ письмомъ мою пасхальную повинность, употребите ее, какъ Вы всегда дѣлали. Я хотѣла бы быть въ состояніи Вамъ прислать гораздо болѣе существенныя вещи для сей цѣли.

Герцогиня Вюртембергская находится здѣсь съ Февраля мѣсяца, она очень тронута тѣмъ, что Вы поручили ей сказать черезъ меня, и поручаетъ меня передать Вамъ тысячу привѣтовъ. Ея здоровье не много выиграло отъ ея путешествія, хотя она сохраняетъ все ту же внѣшнюю свѣжесть.

Что касается слуховъ о пріѣздѣ Государя въ Москву съ Великой Княгиней Маріей, то они, я полагаю, чистая выдумка, ибо объ этомъ никогда не было рѣчи. Великая Княгиня Марія вскорѣ уѣдетъ, чтобы вернуться въ Веймаръ, а Государь въ будущемъ мѣсяцѣ отправится въ Вильну, чтобы сдѣлать смотръ гвардіи, но скоро сюда вернется.— Изъ всѣхъ слуховъ я предпочитала бы, чтобы осуществился слухъ о продолжительномъ пребываніи Двора въ Москвѣ, я сильно бы желала туда вернуться и провести тамъ годъ или болѣе, если этого хотятъ. Удовольствіе видѣть Васъ, моя милая «Елисавета Максимовна», является сильнымъ поводомъ для этого желанія. Я забыла Вамъ сказать

о своемъ здоровьѣ, которое хорошо; хотѣла бы, что Ваше было бы такимъ же хорошимъ. Я восхищена тѣмъ, что Вы мнѣ говорите о маленькой Арсеньевой; да дастъ она Вамъ еще много утѣшенія въ жизни. Прощайте, моя дорогая «Елисавета Максимовна», передайте мой привѣтъ Вашему мужу и Вашей сестрѣ, да пошлетъ Вамъ небо все то хорошее, что я Вамъ всѣмъ желаю и чего Вы такъ достойны.

Елисавета.

Петербургъ. 27 Апрѣля 1822.

(На бумагѣ водяной знакъ: J. Whatman. 1819); (на конвертѣ: Елисаветѣ Максимовнѣ Рославлевой; на оборотѣ конверта: стертая сургучная печать, помѣты: «1822», «lettre 50»).

XXI.

Я себя упрекала, что долго Вамъ не писала, моя милая «Елисавета Максимовна», какъ получила Ваше послѣднее письмо со спискомъ всего добра, которое стараніе Вашего мужа нашло возможнымъ сдѣлать съ такимъ небольшимъ количествомъ.—Какъ я могу достаточно его благодарить за удовлетвореніе, которое мнѣ онъ симъ доставилъ. Я все опасаюсь, какъ бы это дѣло не дало ему увеличеніе хлопотъ, безъ коихъ онъ бы охотно обошелся, и это именно мнѣ доселѣ воспрепятствовало послать довольно большой остатокъ фарфора, полученнаго мною на Пасху, но, если Вы и Вашъ мужъ согласны, то я Вамъ его вышлю и, можетъ быть, доходъ будетъ на будущіе праздники болѣе значителенъ.—Мы будемъ этому радоваться, если мы до того времени доживемъ, моя милая «Елисавета Максимовна». Тысячу и тысячу разъ Васъ благодарю за Ваше послѣднее письмо, въ коемъ Вы имѣете любезное вниманіе подумать о днѣ рожденія Моей Матери, и за Ваше Январское письмо, на которое я виновата, что доселѣ не отвѣтила. Вѣрьте, по крайней мѣрѣ, что никогда мое сердце этому не виной и что мои чувства къ Вамъ, моя дорогая «Елисавета Максимовна», неизмѣнны. Я очень огорчена, узнавъ, что Вы все страдаете отъ глазъ. Это очень непріятная боль. Что это—воспаленіе или чувство слабости? Не утомляйте Вашихъ бѣдныхъ глазъ и поручите Вашей сестрѣ мнѣ писать, диктуйте ей Ваше письмо, это будетъ, какъ бы Вы сами мнѣ писали.—Вы мнѣ говорите въ Вашемъ Январскомъ письмѣ, что Ваша сестра Васъ должна немедленно покинуть, однако, она еще съ Вами и я этимъ очень довольна, потому что, мнѣ кажется, Вамъ обѣимъ будетъ трудно такимъ образомъ разстаться.—Развѣ Ваша мать ее болѣе не вызываетъ? Я Вамъ ставлю много вопросовъ, ибо мнѣ необходимо всегда быть въ курсѣ того, что Васъ касается. Мнѣ

весьма мало что сказать о себѣ, мое здоровье почти что довольно хорошо. Имп. осенью будетъ на нѣсколько дней въ Москвѣ, какъ жаль, что я не могу Вамъ сказать, что тоже тамъ буду, я бы такъ сильно этого хотѣла и была бы такъ рада Васъ повидать, но надо отъ этого отказаться, какъ и отъ многихъ желанныхъ вещей въ сей жизни. Я себѣ говорю, чтобы утѣшиться, что разъ Богъ не даетъ этихъ маленькихъ радостей, то это, очевидно, потому что Онъ находитъ, что онѣ мнѣ не пригодны.

Прощайте, моя дорогая «Елисавета Максимовна», тысячу привѣтовъ Вашему мужу и Вашей сестрѣ и вѣрьте всегда моей весьма постоянной и искренней дружбѣ.

Елисавета.

Царское Село. 28 Іюня 1823.

(Писано на 5 страницахъ бумаги; на конвертѣ: Елисаветѣ Максимовнѣ Рославлевой; на оборотѣ конверта помѣта: l'année 23, lettre 51).

XXII.

Вы меня слишкомъ пріучили разсчитывать на Вашу постоянную привязанность, чтобы я заранѣе себѣ не сказала, что Вы примете участіе въ горѣ, которое я испытала, которое я буду испытывать всю жизнь отъ утраты моей сестры.—Ваше письмо, моя дорогая «Елисавета Максимовна», мнѣ доказало, что я не обманулась, и я Васъ увѣряю, что выраженіе участія, идущее отъ сердца, подобнаго Вашему, можетъ дать лишь облегченіе. Мое здоровье внѣшнимъ образомъ отъ этого не пострадало, но мое сердце разбито, ничего для меня не можетъ замѣнить эту лучшую сестру и друга. Я Васъ благодарю, моя дорогая «Елисавета Максимовна», за то, что Вы мнѣ говорите отъ себя и отъ Вашихъ по поводу дня моего рожденія.—Я провела этотъ день въ сильномъ безпокойствѣ.

Императоръ наканунѣ заболѣлъ сильною рожею на ногѣ, отъ коей онъ сильно страдалъ.—Теперь его здоровье, слава Богу хорошо, но его нога еще не совсѣмъ поправилась, такъ что онъ еще нѣкоторое время будетъ вынужденъ не выходить.—Вы знаете эту болѣзнь, она у Васъ часто была и, не будучи опасной, она непріятна и доставляетъ сильныя страданія.

Вы получите съ этимъ письмомъ посылку фарфоровыхъ яицъ, которую я хотѣла Вамъ прислать прошлою весною, такъ какъ она придетъ постомъ, то, быть можетъ, она тѣмъ лучше выполнитъ свое назначеніе. Но дѣлайте относительно нихъ то, что, по Вашему, подходяще, не причиняя себѣ никакого безпокойства,—если бы я могла думать, что при-

чиняю имъ его, то соглашеніе, къ которому мы съ Вами пришли въ Москвѣ, болѣе для меня не существовало бы.

Прощайте, моя милая «Елисавета Максимовна», почему Вы мнѣ не говорите о Вашемъ здоровьѣ? Отъ всего сердца желаю для Васъ и для любящихъ Васъ, чтобы оно было хорошо. Мой привѣтъ Вашему мужу и Вашей сестрѣ и скажите ему, что время служитъ лишь къ упроченію истинныхъ чувствъ, которые я къ Вамъ питаю во всѣхъ отношеніяхъ.

Елисавета.

Петербургъ. Февраля 4 1824.

XXIII.

Петербургъ. 22 Апрѣля 1824.

Моя дорогая «Елисавета Максимовна»! Вы получите немного позже этого письма тяжелой почтой ящикъ съ фарфоровыми яйцами и нѣсколькими бездѣлушками, также изъ фарфора.—Я оказалась въ этомъ году такъ щедро снабженной этими вещами, что мысль о хорошемъ употребленіи, которое Вы разъ изъ нихъ сдѣлали, сразу мнѣ пришла въ голову, и я рѣшилась послать Вамъ все, что мнѣ осталось отъ фарфора съ Пасхи, предоставивъ всецѣло въ Ваше распоряженіе всѣ эти мелкія роскошныя вещи, которыя могутъ быть использованы съ такой пользой.—Только одно фарфоровое яйцо я Васъ прошу отъ меня принять и хранить его, ибо я не желала бы, чтобы оно было въ другихъ рукахъ, чѣмъ Ваши.—Это то яйцо, на которомъ рисунокъ съ 2 Ангелами, несущими крестъ; этотъ образъ съ давнихъ поръ такъ часто является въ моемъ воображеніи, что я не могу не усматривать странной случайности въ томъ, что на фарфоровомъ заводѣ выполнили подобный рисунокъ; Вы единственная женщина въ Россіи, коей я бы хотѣла подарить это яйцо изъ-за того, что это изображеніе представляетъ для меня что-то особо священное.—Вы дѣлили со мною такъ живо обѣ утраты, которыя оно мнѣ напоминаетъ, что я не могу лучше сдѣлать, какъ Вамъ подарить это на память; сохраните же его, дорогая моя «Елисавета Максимовна», и никому, никому не давайте.—Уже давно я не имѣю отъ Васъ извѣстій, я надѣюсь, что причиной этому ни Ваше здоровье, ни какое-либо новое горе. Какъ поживаетъ Ваша племянница Арсеньева? А ея бѣдный отецъ что дѣлаетъ? Передайте мой привѣтъ Вашему мужу и Вашей сестрѣ и, если бы Вы себя не хорошо чувствовали, дайте мнѣ о себѣ черезъ нее знать, ибо я очень нуждаюсь въ вѣстяхъ о Васъ.

Прощайте, моя милая «Елисавета Максимовна»,—хотѣла бы я имѣть о Васъ хорошія вѣсти.

Елисавета.

XXIV.

Петербургъ. 28 Апрѣля 1824.

Моя дорогая «Елисавета Максимовна». Это отъ Императора я Вамъ сегодня направляю сумму въ 5 т. рублей.—Узнавъ отъ меня, насколько плохое состояніе Вашихъ дѣлъ Васъ угнетало эту зиму, Онъ поспѣшилъ мнѣ передать эту сумму, которую я у сего прилагаю, и обнадежилъ меня, что эта посылка будетъ ежегодно возобновляться. Мнѣ трудно Вамъ выразить огорченіе, испытываемое мною, по поводу того, что Вы въ столь затруднительномъ положеніи, это за послѣдніе годы для меня истинное горе, еще оттого болѣе чувствительное, что разстройство Вашего здоровья увеличиваетъ еще для Васъ все то, что подобное стѣсненіе имѣетъ тяжелаго. Если мнѣ не дано возможности принести Вамъ въ такомъ положеніи существеннаго облегченія, будьте, по крайней мѣрѣ, увѣрены, моя дорогая «Елисавета Максимовна», что живое и искреннее участіе съ моей стороны никогда не прекратится и что къ нему Вы всегда можете обратиться.—Поручите дать мнѣ извѣстій о Вашемъ здоровьѣ, которое меня сильно все это время безпокоитъ. Тысячу благодарностей за присланный Вами для Имп. рецептъ.—Я его ему передала,—Богъ дастъ, онъ ему болѣе не понадобится; но я Вамъ все же весьма благодарна, что Вы его познакомили съ еще однимъ средствомъ отъ непріятной болѣзни.

Прощайте, моя милая «Елисавета Максимовна». Тысячу привѣтовъ отъ меня Вашему мужу и Вашей сестрѣ. Васъ же мнѣ не надобно увѣрять въ чувствѣ, въ которомъ Вы не усомнитесь.

Елисавета.

(На конвертѣ: «Елисаветѣ Максимовнѣ Рославлевой; въ Москвѣ, на Пресненскихъ прудахъ въ собственномъ домѣ»; на оборотѣ конверта: помѣта: «6», карандашная помѣта: «1824» 5000 d'argent de la part de l'Emp. «Александръ»).

XXV.

Дайте мнѣ доказательство доброты Вашего сердца,—я не смѣю просить его отъ Вашей дружбы, Милостивая Государыня (Madame) или моя дорогая, смотря по тому, какое изъ этихъ двухъ обращеній Вы хотите принять, дайте же мнѣ его, не сердитесь на то, что я прошу Васъ принять бездѣлицу, у сего прилагаемую.—Увидѣвъ немного времени назадъ, что эти браслеты получили Ваше одобреніе, я умирала отъ желанія Васъ просить ихъ принять, но присутствіе третьяго лица меня удержало,—однако, я не могу побѣдить это желаніе, оно меня до сей минуты пре-

слѣдуетъ, я бы хотѣла, чтобы Вы имѣли отъ меня сувениръ, простите мою фантазію, извиняя за скромный видъ предмета; если, однако, Вы не будете такъ добры, то не сердитесь на мое намѣреніе. До удовольствія Васъ видѣть, какъ Вы мнѣ это обѣщали.

Елисавета.

(Неизвѣстно какого года); (вся переписка завернута въ бумагу желтоватаго цвѣта, на коей надпись: «Елисаветѣ Максимовнѣ Рославлевой, въ Москвѣ на Преснѣ у Прудовъ въ собственномъ домѣ»). (На оборотѣ: слѣдъ сургучной печати, помѣта чернилами: 16 lettres de l'an 1820 jusque 1825 et une 17-me à moi).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ РАСЛОВЛЕВА.

ПО УКАЗУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА Самодержца Всероссійскаго и прочая и прочая и прочая.

Объявитель сего Московской военной силы капитанъ Расловлевъ въ службу вступилъ изъ дворянъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ 1783-го Іюля 26 подпрапорщикомъ, того же 783-го Августа I сержантомъ, 784-го Марта 25 портупей-прапорщикомъ, 798-го Сентября 8-го подпоручикомъ, 799-го Августа 30-го; былъ отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ 1800-го Сентября 24-го, принятъ въ службу лейбъ-гвардіи въ конный полкъ порутчикомъ и опредѣленъ адъютантомъ къ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ** сего 1804-го Февраля 9-го, а 18 числа сего Ноября, по **ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** приказу, уволенъ отъ службы съ мундиромъ, согласно же **ВЫСОЧАЙШЕМУ** манифесту 1812 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ, на составленіе Московской военной силы изданному, принятъ въ ополченіе; находился въ сраженіяхъ того же года Августа 26 подъ Бородинымъ, сентября 17 подъ Чириковымъ, Октября 6 подъ Тарутинымъ, 12-го подъ Малоярославцемъ, 22-го подъ Вязьмою, Ноября 5 и 6 подъ Краснымъ. Нынѣ же по болѣзни отъ службы—Московской военной силы увольняется. Для чего и данъ ему сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ казенной печати въ Москвѣ. Мая ... дня 1813 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйшаго Государя Моего, Главнокомандующій Московской военной силою и ордена Святаго Александра Невскаго и Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени Большого креста кавалеръ.

Графъ Морковъ.

Московской военной силы дежурный Генералъ и кавалеръ Карауловъ.
Управляющій Канцеляріею подпорутчикъ и кавалеръ Д...

№ 858.

Красная сургучная печать канцеляріи Московской военной силы.

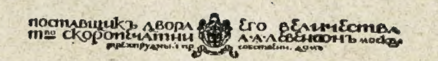
ПО УКАЗУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ, ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, Самодержца Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая.

Предъявитель сего Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Николай Михайловъ сынъ Арсеньевъ 2-й, который, какъ изъ формулярнаго списка значится, отъ роду имѣетъ шестьдесятъ одинъ годъ, изъ Россійскихъ дворянъ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, имѣетъ за собою крестьянъ мужескаго пола въ Богородицкѣ пятьдесятъ душъ, въ службу вступилъ изъ сухопутнаго Кадетскаго Корпуса Поручикомъ съ награжденіемъ большой серебряной медали 1785 Февраля 18 въ бывшій Московскій карабинерный полкъ, изъ онаго вытребованъ и опредѣленъ Прокуроромъ въ Иркутскую губернію съ произведеніемъ въ Коллежскіе Ассесоры 1786 г. Августа 20, переведенъ въ армію въ Пермскій мушкатерскій полкъ съ переименованіемъ въ Маіоры 1790 Іюля 15, изъ онаго въ Козловскій пѣхотный полкъ 1792 Апрѣля 10, за отличіе противу Польскихъ мятежниковъ произведенъ Подполковникомъ со старшинствомъ 1794 Сентября 24, Полковникомъ 1797 Ноября 21 въ томъ же полку, Генералъ-Маіоромъ 1799 Генваря 29 съ назначеніемъ шефомъ полка его имени, именующагося нынѣ Воронежскимъ пѣхотнымъ, изъ коего по прошенію уволенъ отъ службы 1800 Декабря 5, изъ отставки принятъ въ службу 1805 Іюля 24 съ назначеніемъ шефомъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ для введенія въ ономъ воинскаго порядка и дисциплины, изъ онаго по прошенію уволенъ отъ службы за ранами съ мундиромъ и пансіономъ половиннаго жалованія 1809 Генваря 21, принятъ паки въ службу съ состояніемъ по внутренней стражѣ 1816 Октября 9, назначенъ Окружнымъ Генераломъ 4, что нынѣ 7 округа внутренней стражи того же года Ноября 25, по ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу повелѣно состоять по арміи съ оставленіемъ при сей должности 1817 Августа 28, былъ въ походахъ: въ 1793 году въ кампаніи со вступленія въ Польскія границы Россійскихъ войскъ по 1796 годъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, въ 1794 году противу Начальника Костюшки подъ Сухочинымъ, Пѣсошнымъ, гдѣ и раненъ въ правую ногу пулею, Красномъ Млынѣ, при держаніи въ блокадѣ Варшавы во многихъ вылазкахъ, при переправѣ черезъ рѣку Вислу, подъ Монсіевичами при взятіи самого Начальника и истребленіи всего корпуса, гдѣ и раненъ въ лѣвую ногу, при штурмѣ Праги, награжденъ золотою шпагою съ надписью за храбрость, потомъ при преслѣдованіи остальныхъ войскъ, бывшихъ подъ командою Начальника Вовжатскаго, при разбитіи оныхъ и взятіи въ плѣнъ всѣхъ оставшихся Генераловъ, въ 1797 г. за отличіе на маневрахъ въ Москвѣ награжденъ орденомъ Св. Анны 4 класса, а за усердную службу ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожалованъ командорствомъ

державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго 1799 Апрѣля 24, 1806, Октября съ 22 за границею въ Пруссіи противу французскихъ войскъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: Декабря 12 подъ мѣстечкомъ Сухочинымъ, подъ городомъ Пултускомъ, 1807 Генваря 22 подъ Янковымъ, подъ мѣстечкомъ Ланзбергомъ, 26 подъ городомъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ и раненъ въ ступень правой ноги пулею и за отличіе въ семъ сраженіи награжденъ орденомъ Св. равноапостольнаго Князя Владиміра 3 ст., Маія 3 при высадкѣ на форфассерѣ за крѣпостью Вексельмундомъ, за что и награжденъ орденомъ Св. Анны 2 класса, украшеннымъ алмазами, 28 близъ мѣстечка Воромдитена, 29 подъ городомъ Гельзбергомъ и за отличіе награжденъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 класса, Іюня 1 и 2 при защищеніи города Кенигсберга, 1808 Августа 16 за границею въ новопріобрѣтенной къ Россіи Шведской Финляндіи, противу Шведскихъ войскъ, въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: Октября 15 при селеніи Каупининъ, 30 во время нападенія непріятеля въ ночи при Тукѣ и Денсальмѣ; 1812 г., будучи въ отставкѣ, командуя дивизіею, составленною изъ московской силы, формировалъ 7 пѣхотный полкъ, съ коимъ былъ въ Россійскихъ предѣлахъ противу французскихъ войскъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: Августа 26 подъ Бородинымъ, за что получилъ Монаршее благоволеніе, Октября 6 подъ Тарутинымъ, 12 подъ Малымъ Ярославцемъ, 22 подъ Вязьмою, и Ноября 5 и 6 подъ Краснымъ, послѣ сего былъ Начальникомъ 1 линіи депо выздоровѣвшихъ, коихъ отправлялъ въ дѣйствующую армію въ Калишъ, гдѣ до роспуска Московскаго ополченія находился и получилъ серебряную медаль въ память 1812 г. Россійской и французской грамотѣ читать и писать умѣетъ и часть математики знаетъ, въ отпуску былъ 1800 Декабря съ 1-го на два мѣсяца и 1820 Іюня съ 18 по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію для излѣченія болѣзни въ кавказскихъ минеральныхъ водахъ на три мѣсяца и на срокъ явился, въ штрафахъ не бывалъ, вдовъ, имѣетъ сына Александра семи лѣтъ, къ повышенію чина аттестовался достойнымъ. А прошлаго 1825 года Января въ 6 день, по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА приказу, уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованія. Во свидѣтельство чего по ВЫСОЧАЙШЕМУ предоставленному мнѣ полномочію сей указъ данъ Генералъ-Маіору и Кавалеру Арсеньеву 2-му за моимъ подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати въ С.-Петербургѣ тысяча восемьсотъ двадцать шестого года Марта 22 дня. Подлинный подписали: ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ моего отъ арміи Генералъ-Лейтенантъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ Адъютантъ, Командиръ Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и Орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1 степени и 4 степени, Св. равноапостольнаго Князя Владиміра 2-ой степени большого креста,

Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 класса, Св. Маврикія Кавалеръ и Св. Іоанна Іерусалимскаго командоръ Графъ Комаровскій.

Исправляющій должность Дежурнаго Штабъ-офицера Старшій Адъютантъ Капитанъ Быковъ и приложена чернаго сургуча печать. Копія завѣрена Секретаремъ Дворянства В. Лпбинымъ.

Поставщикъ Двора Его Величества
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
Трехпрудный пер. собств. домъ